

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА

РИТОРИКА

УЧЕБНИК ДЛЯ БАКАЛАВРОВ

Под общей редакцией профессора **В. Д. Черняк**

*Допущено Учебно–методическим объединением
по направлениям педагогического образования
в качестве учебника по направлению
050100 «Педагогическое образование»*

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва ■ Юрайт ■ 2015

УДК 82.082
ББК 83.7я73
P55

Авторский коллектив кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена:

Ефремов Валерий Анатольевич — доктор филологических наук, профессор кафедры;

Мартыанова Ирина Анатольевна — доктор филологических наук, профессор кафедры;

Сергеева Елена Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры;

Дунев Алексей Иванович — кандидат филологических наук, доцент кафедры;

Черняк Валентина Даниловна — доктор филологических наук, заведующая кафедрой.

Рецензенты:

Дымарский М. Я. — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка РГПУ им. А. И. Герцена;

Токарев Г. В. — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики и документоведения Тульского государственного педагогического университета.

P55 **Риторика** : учебник для бакалавров / В. А. Ефремов [и др.] ; под общ. ред. В. Д. Черняк. — М. : Издательство Юрайт, 2015. — 430 с. — Серия : Бакалавр. Базовый курс.

ISBN 978-5-9916-2864-8

В учебнике представлены базовые теоретические сведения по истории риторики, ее основам, сформировавшимся на протяжении столетий, а также по основам современной коммуникации. Он преследует цель формирования коммуникативной и риторической компетенций. Важную часть учебника составляет практикум, содержащий большой материал для практической работы в аудитории и особенно для самостоятельной работы студентов, которой в новых образовательных стандартах отводится большое место. Учебник разработан в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования третьего поколения, входит в федеральный компонент программы профессиональной подготовки бакалавров педагогики и относится к дисциплинам профильной подготовки (направление 540600 «Педагогическое образование») и дисциплинам вариативной части профессионального цикла других направлений ВПО.

Для студентов высших учебных заведений.

УДК 82.082
ББК 83.7я73

Оглавление

Предисловие	5
Глава 1. Риторика как наука и искусство	7
Глава 2. Личность оратора и искусство красноречия	12
Глава 3. Краткий очерк развития риторики.....	16
3.1. Античная риторика как основа ораторского искусства....	16
3.2. Традиции отечественной риторики	22
3.3. Отечественная риторика советского периода	27
Глава 4. Риторический канон.....	37
Глава 5. Логичность и аргументация речи	57
Глава 6. Средства речевой выразительности	73
Глава 7. Жанры публичной речи	81
Глава 8. Подготовка и произнесение публичной речи	92
8.1. Взаимодействие оратора с аудиторией.....	101
8.2. Учет особенностей аудитории при подготовке выступления.....	104
8.3. Приемы привлечения внимания	111
8.4. Юмор в устном публичном выступлении.....	115
Глава 9. Невербальные средства общения	123
Глава 10. Искусство публичного спора	133
Глава 11. Основы речевого воздействия	144
11.1. Приемы воздействия на собеседника.....	148
11.2. Убеждение и манипуляция в процессе речевого воздействия	152
11.3. Специфика манипулятивного воздействия.....	156
11.4. Демагогия как средство речевого воздействия.....	162
Глава 12. Деловое общение	170
12.1. Беседа как форма общения	172
12.2. Специфика деловой беседы.....	180
12.3. Рекламное выступление	189

Глава 13. Речевая агрессия и способы ее преодоления.....	194
Глава 14. Коммуникативное согласие и законы речевого воздействия	204
Глава 15. Современный речевой этикет	212
15.1. Речевой этикет деловой беседы	222
Глава 16. Искусство слова и культура речи.....	228
Глава 17. Проблема культурной грамотности и речевой портрет говорящего	237
Глава 18. Риторический анализ текста.....	240
Словарь базовых риторических терминов	242
Имена собственные, упоминаемые в учебнике	263
Крылатые выражения и устойчивые сочетания, используемые для характеристики речи и речевого поведения	269
Крылатая латынь.....	283
Афоризмы, которые можно использовать при подготовке выступления	286
Практикум	291
Тестовые задания	413
Список литературы.....	429

Предисловие

Умение вести конструктивный диалог, выступать публично, строить свою речь в соответствии с ситуацией общения, добиваться поставленных целей, используя слово как важнейший инструмент коммуникации, является одним из главных качеств в профессиональной деятельности любого специалиста. Именно поэтому риторика занимает важное место среди речеведческих дисциплин и включена в учебные планы многих направлений бакалавриата. Компетенции, формируемые этой учебной дисциплиной, предусмотрены Государственным образовательным стандартом третьего поколения: в результате изучения дисциплины *студент должен* уметь логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь; обладать навыками публичной речи и использовать их для ведения дискуссии и полемики.

Для целого ряда направлений высшего профессионального образования дисциплина «Риторика» является частью профессионального блока и призвана формировать профессиональные компетенции.

Коммуникативная компетенция формируется в процессе речевой практики или целенаправленного обучения и является одним из важных показателей общей культуры человека. *Риторическая компетенция* — компетенция более высокого уровня. Она предполагает знания об истории развития риторики, ее основных направлениях, базовые представления о речевых жанрах, их структурных и стилистических особенностях, умения анализировать и оценивать различные речевые произведения, строить собственные высказывания и развернутые выступления в соответствии с ситуацией общения, с коммуникативной задачей, с характеристиками адресата. Риторическая компетенция предполагает достаточно высокий уровень владения языком, осознанное и критическое отношение к отбору языковых средств для выражения мысли, ответственное отношение к своей речи.

Знание и соблюдение законов риторики, умение использовать риторические приемы в различных ситуациях общения, безусловно, являются важными факторами, способствующими профессиональному становлению личности.

Предлагаемый учебник ставит задачу помочь студенту сформировать риторическую компетенцию. Книга состоит из двух частей. В первой представлены базовые теоретические сведения по истории риторики, ее основам, сформировавшимся на протяжении столетий, а также по основам современной коммуникации. Во второй — практикуме — содержится большой материал для практической работы в аудитории и особенно для самостоятельной работы студентов, которой в новых образовательных стандартах отводится большое место.

Авторы полагают, что в такой сложной и многообразной сфере научного знания, как риторика, и в риторической практике не может быть бесспорных, однозначно трактуемых положений. Возможно, некоторые материалы покажутся дискуссионными. Предлагаемый в конце книги список рекомендуемой литературы (конечно, также не являющийся исчерпывающим) должен побудить студентов к самостоятельному поиску истины, что на протяжении многих веков являлось целью риторики.

Глава 1

РИТОРИКА КАК НАУКА И ИСКУССТВО

В результате изучения данной главы обучающийся должен:

- **знать** основные характеристики риторики как науки и искусства; основные направления современной риторики;
  - **уметь** на примерах раскрывать основные идеи риторики;
  - **владеть** навыками разграничения понятий «убеждение», «внушение» и «принуждение».
-

Термин «риторика» традиционно понимается двояко: как искусство красноречия и как наука о нем.

Красноречие издавна и по праву считается искусством. Еще в Античности сложился список дисциплин, достойных свободного человека, так называемые семь свободных искусств, первым из которых была именно риторика. И. С. Тургенев, например, считал ораторское искусство уникальным даром. В романе «Рудин» он писал о своем герое: «Рудин владел едва ли не высшей тайной — музыкой красноречия. Он умел, ударяя по одним струнам сердец, заставлять смутно звенеть и дрожать все другие».

Наука о красноречии — одна из самых древних и вместе с тем современных гуманитарных дисциплин, в содержание которой входят философские, психологические, филологические, логические, эстетические знания. Еще в XVIII в. именно риторику, а не математику считали «царицей наук». Долгое время в риторических терминах велись рассуждения об искусстве. Например, современники называли И. С. Баха величайшим оратором в музыке, так как его органные произведения строились по риторическим канонам, а уже в XX в. С. М. Эйзенштейн ввел риторику в программу обучения кинорежиссеров, чтобы они постигли тайну воздействия на массовую аудиторию, были бы способны вызывать разнообразные чувства зрителей: гнев, радость, восторг, любовь, ненависть.

Трудно отрицать исторически сложившееся своеобразие речевого общения в различных социальных сферах, поэтому риторика можно интерпретировать с разных точек зрения, в том числе с очень широкой, культурологической. Например, выдающийся литературовед и культуролог Ю. М. Лотман в книге «Быт и традиции русского дворянства XVIII — первой трети XIX вв.» описал риторика бала, дуэли, карточной игры, парада, похорон.

Если сравнить старые и новые определения риторики, станет очевидно, что она может пониматься по-разному. В России в первой половине XIX в. риторика определялась как наука, развивающая разум, занимающая воображение, трогая сердце и действующая на волю. Современные исследователи исходят из иных базовых характеристик риторики:

«Филологическая дисциплина, изучающая отношение мысли к слову» (Ю. В. Рождественский);

«Наука о законах управления мыслеречевой деятельностью» (Е. А. Юнина);

«Наука о публичном речевом воздействии» (И. А. Стернин);

«Наука убеждать» (А. П. Чудинов).

В каждом из предложенных определений присутствуют разные аспекты современной трактовки риторики: филологический (который, однако, не исчерпывается «отношением мысли к слову»), психолого-педагогический, прагматический. Если известный филолог Ю. В. Рождественский трактует риторика как теоретическую филологическую дисциплину, то педагог Е. А. Юнина подчеркивает ее активное воспитывающее начало. Авторы популярных книг по риторике И. А. Стернин и А. П. Чудинов определяют ее прежде всего в прикладном, прагматическом аспекте. При этом И. А. Стернин рассматривает риторическое воздействие как со знаком плюс, так и со знаком минус (имеется в виду манипулятивная, демагогическая риторика) и отмечает, что каждый образованный человек должен понимать, «что с ним делают при помощи речи», тогда как А. П. Чудинов, подчеркивая позитивную роль практической риторики, видит в ней прежде всего *науку о речевом убеждении*, об условиях и формах эффективного речевого общения.

В современном гуманитарном пространстве все больше внимания уделяется изучению речевого воздействия, которое становится предметом исследования целого комплекса

смежных наук: лингвистики, психолингвистики, лингвистической прагматики, психологии, теории коммуникации, социологии, конфликтологии и др. В определенном смысле можно говорить о том, что во второй половине XX в. риторика возродилась на новой, психологической основе: для правильного общения современному человеку важны уже не только достижения формальной логики, но и психологические приемы убеждения.

Ключевое понятие позитивной риторики — **убеждение** (см. п. 11.2), способ речевого воздействия, предполагающий применение как рациональных, так и эмоциональных риторических приемов и средств. В толковом словаре дается следующее определение глагола «убедить» — «заставить поверить чему-нибудь, уверить в чем-нибудь; уговаривая, склонить к чему-либо, заставить согласиться на что-нибудь, сделать что-либо». О сложности этого вида речевого воздействия свидетельствует протяженный синонимический ряд глагола «убедить», от которого образовано существительное «убеждение»: «уговорить», «склонить», «урезонить»; «уверить», «заверить», «внушить», «доказать»; «удостоверить», «вразумить», «утвердить», «уластить», «сагитировать», «распропагандировать», «обработать», «присоветовать», «вбить в голову», «умаслить», «сманить», «уломать», «умолить», «разуверить», «переубедить». За каждым из приведенных глаголов стоят различные аспекты коммуникативных ситуаций, связанных с убеждением, различные отношения между участниками общения.

Убеждение содержит систему аргументов, примеры, факты и выводы, принуждение же связано с применением силы или открытой угрозой. В убеждении процесс аргументации строится на апелляции к собеседнику (к его сознанию, эмоциям, воле, интересам и т.п.). Отбор собственных аргументов учитывает позицию, которую предстоит опровергнуть. В принуждении и внушении реализуется эмоциональное или физическое давление. Например, основная цель рекламного текста — заставить адресата (зрителя, читателя, слушателя) приобрести товар, независимо от того, испытывает ли он потребность в нем.

Внушение отличается от убеждения также тем, что действует на психическую сферу другого лица без открытого принуждения, что позволяет использовать его в манипулятивных целях. Внушение и *манипуляция* (подробнее см. п. 11.2) оказываются особенно тесно связанными в том

случае, когда целью говорящего является изменение сознания объекта воздействия.

Внушение направлено на то, чтобы обеспечить не критичность усвоения информации адресатом, в результате чего могут возникнуть представления, не соответствующие действительности, стремление действовать и верить источнику информации, не сомневаясь в его надежности. В некоторых случаях адресат может понимать факт внушения (например, когда речь идет о гипнозе в медицинских целях: «Сейчас вы полностью расслабитесь, и ваше сознание начнет погружаться в сон...»), но гораздо чаще он этого не осознает (таково, например, ежедневное внушающее воздействие СМИ).

Внушение в целом является универсальным явлением, которому подвержен каждый, но в разной степени, в зависимости от уровня внушаемости. Этот уровень возрастает, если погрузить человека в атмосферу группового внушения. Подобная атмосфера существовала, например, в период особой популярности «телевизионных целителей» А. Кашпировского и А. Чумака.

Сегодня потоки внушающей информации направлены на читателя, слушателя, зрителя из самых разных источников: рекламы, массовой литературы, телевизионных ток-шоу, методик, предлагаемых современными псевдоцелителями, которые якобы подходят абсолютно всем, желающим быть «здоровыми, счастливыми и успешными». Нередко ими используется «классическая» внушающая тактика трех «да»: серия так называемых закрытых вопросов, на которые возможен только один ответ — «да», затем следует ничем не подкрепленный вывод: «Хотите быть успешным человеком? Хотите не болеть, не уставать, каждый день прекрасно выглядеть, пребывать в отличном настроении и быть востребованным обществом? Для этого вам нужно только одно — энергия» (А. Левшинов).

При индивидуальном и групповом внушении особенно часто используются разнообразные повторы. Создавая монотонный ритм, они способствуют погружению адресата в состояние транса, воздействуют на его подсознание: «В мою щитовидную железу Бог вливает молодую, энергичную, веселую, радостную жизнь. Молодая радостная жизнь наполнила щитовидную железу, молодая жизнь возрождает молодое, Богом созданное Божественно здоровое строение щитовидной железы» (Г. Сытин).

В отличие от внушения и принуждения, убеждение отрицает речевую агрессию, рассчитано на осмысленное восприятие речи адресатом, который должен проделать собственный путь понимания, так как решение не предлагается ему в готовом виде (подробнее о разных видах речевого воздействия см. п. 11).

Итак, современная риторика — это теория и мастерство целесообразной, воздействующей, гармонизирующей речи. Риторика убеждения (как практика красноречия и наука о ней) влияет на мировоззрение, эмоции и волю человека. Ее выбор требует от оратора труда и времени, создает его личностный образ.

Глава 2

ЛИЧНОСТЬ ОРАТОРА И ИСКУССТВО КРАСНОРЕЧИЯ

В результате изучения данной главы обучающийся должен:

- **знать** основные характеристики оратора; особенности взаимоотношения оратора и аудитории;
  - **уметь** выделять качества успешного оратора;
  - **владеть** навыками характеристики оратора по конкретным речевым произведениям.
-

В современных словарях значение слова «оратор» определяется следующим образом: 1) лицо, выступающее с речью на собрании; 2) красноречивый человек, владеющий мастерством построения и произнесения речи перед широкой публикой. В то же время в ряде работ появляются неожиданные характеристики оратора. Так, в словаре «Культура русской речи» отмечается, что оратор — это «человек, способный сколь угодно *долго*, красиво и содержательно говорить *на любую предложенную тему, а также любой выступающий с публичной речью*». Впрочем, завершается словарная статья следующим важным уточняющим замечанием: «...оратором стали называть всякого, кто держит речь перед аудиторией, а к тем, кто владеет ораторским искусством, обычно добавляют оценочные слова: превосходный оратор, прирожденный оратор и проч.».

Слово «оратор» в современной научной и учебной литературе соотносится с близкими, но более широкими по значению словами «говорящий» и «адресант», однако оратор — это не любой говорящий или адресант, а мастер говорить, кроме того, важно учитывать характер его воздействия на адресата. Подчеркнем, что понятие «адресат» (т.е. тот, к кому обращена речь) является одним из ключевых в риторике.

Обычно люди не задумываются над тем, что далеко не каждый умный, образованный человек, умеющий беседовать в узком кругу, может быть оратором. Для этого ему

должны быть присущи особые черты характера, артистичность, речевые умения. Не случайно ряд синонимов к слову «оратор», выражающих положительную оценку личности говорящего, достаточно широк: вития (*высок.*) — искусный оратор; златоуст (*шутл. и ирон.*) — тот, кто обладает даром красноречия (по прозвищу выдающегося византийского проповедника и церковного деятеля Иоанна Златоуста); трибун (*высок.*) — общественный деятель, выдающийся оратор и публицист; ритор — в древней Греции и Риме оратор, учитель ораторской речи; в России в старину так называли ученика духовной семинарии по классу риторики (подробнее см. гл. 3). В этом же синонимическом ряду есть имена великих ораторов древности — Демосфена и Цицерона, которые давно стали нарицательными. Словом «Цицерон» шутливо называют того, кто очень красноречив или слишком много говорит.

Для оратора, как и для актера, важен успех, во многом обусловленный неповторимостью его личности. Но роль оратора разнообразнее актерской: он и автор речи, и ее режиссер, и исполнитель, причем в его исполнении слово выступает на первый план.

Понять творческую деятельность оратора помогает аналогия с созданием фильма. Как и создатели кинофильма, он ограничен во времени, но выступает в роли и сценариста, и режиссера, и актера, и монтажера, и оператора. В своей речи он определяет, как показать то или иное событие, предмет, человека — крупным, средним или общим планом? С какой точки зрения — внешней, внутренней, своей, чужой? Может быть, их надо столкнуть в неожиданном монтажном сопряжении? Так же как и монтажёр, он то убыстряет, то замедляет ход восприятия речевого произведения, воздействуя на разум и эмоции слушателей. И сам говорящий не остается за кадром, то выступая в главной роли, то перевоплощаясь в образы своих союзников и оппонентов, ведя с ними явный или скрытый диалог.

Неоднозначность позиции оратора обусловила то, что слово «оратор» несет и груз отрицательных ассоциаций и оценок, накопленных веками. Со временем у него даже появились негативные синонимы «болтун», «краснобай», но нередко наблюдаемый отрыв слова от дела совсем не значит, что наступило время, когда стыдно быть красноречивым, сознательно работать над своей речью в разных ситуациях общения.

Риторическое воздействие — это прежде всего публичное речевое воздействие. Вне условий публичности теряет смысл

сама роль оратора как интерпретатора действительности. Публичность, тем не менее, накладывает ограничения на открытость, исповедальность ораторского слова, каким бы искренним в стремлении к идеалу ни был выступающий публично.

Взаимоотношения оратора и аудитории нередко основаны на противоборстве. Древние глубоко понимали трагичность личности истинного оратора: «Можно сказать, тяжкое бремя и обязательство налагает на себя тот, кто торжественно берется один среди многолюдного собрания при общем молчании рассуждать о делах первой важности! Ведь огромное большинство присутствующих внимательнее и зорче подмечает в говорящем недостатки, чем достоинства. Поэтому малейшая его погрешность затмевает все, что было в его речи хорошего... Сколько раз мы выступаем, столько раз над нами совершается суд» (*Цицерон*). Демонстрируя свое право на речь, оратор должен создавать образ мужественной личности, способной к победе. Он также не может не учитывать возможное отрицательное отношение к нему части аудитории. Очевидны и ограничения устной формы речи, которая воспринимается «здесь и сейчас».

Ограничения, налагаемые на деятельность оратора, — это ограничения и природные (физические, психологические, ментальные), и этические. Говорить — значит отдавать себя, но очень важно, чтобы у оратора был достаточный интеллектуальный и эмоциональный запас, которым он смог бы поделиться с аудиторией. Нельзя не согласиться со старинным афоризмом «Говорит интереснее тот, в ком происходит больше событий».

За долгое время существования риторики накопилось много стереотипных представлений о личности оратора. Так, еще М. В. Ломоносов полагал, что у оратора должны быть «осанковитый вид», «грудь широкая», «дух [дыхание] долгий». Между тем многие выдающиеся ораторы явно не отвечали названным требованиям. Знаменитый историк и лектор В. О. Ключевский был внешне неприметен, говорил тихим голосом, но на его лекции съезжалась вся Москва и слушала, затаив дыхание.

Когда начинал свою речь выдающийся адвокат прошлого В. Д. Спасович, которого называли «королем адвокатуры», слушатели недоумевали: «Неужели это он?» — таким нелепым, неуклюжим казался этот человек, говоривший фальцетом, то и дело ронявший свои бумаги. Но проходила минута-другая — и слушатели понимали, что он способен создать на заседании суда неопровержимую систему защиты.

Заметим, что одним из парадоксальных приемов красноречия является старинный прием «Я не оратор» (т.е. «я не умею говорить высокопарно, как оратор, а говорю безыскусно, от сердца»). Этим приемом, скрывающим искусство красноречия, успешно пользовались и древние риторы, и выдающиеся русские судебные ораторы.

Представления об ораторе меняются, но одно остается неизменным: он должен быть личностью, способной публично мыслить: «Мы совершенно по-разному пользуемся своей личной собственностью и взятым нами со стороны, и сразу бросается в глаза различие между тем, кто высказывается, владея своим предметом, и тем, кто признал сведения у других» (*Тацит*). Для того чтобы стать оратором, необходимо иметь склонность к речевому воздействию, способность интерпретировать действительность, «тратить» себя, стремиться к успеху и быть заранее готовым к поражению.

О разграничении понятий «умный, образованный человек», «мастер своего дела» и «оратор» говорил еще Цицерон: «...если Филон, знаменитый зодчий... отдавая народу отчет в своей работе, произнес, как известно, очень хорошую речь, то несправедливо объяснять достоинство его речи сноровкой зодчего, а не оратора». Но тот же Цицерон подчеркивал: «Речь должна вытекать из знания предмета. Если оратор не... изучил его, речь его бессодержательна и похожа на детскую болтовню».

Говоря, человек не только вступает в общение, но и выражает свою индивидуальность. Именно этим, прежде всего, ритор интересен слушателям. Философ О. Розеншток-Хюсси рассматривал речь «как личное право человека» и утверждал, что «любой индивид заинтересован в своей способности и праве говорить», потому что «человек, беря слово, занимает свою позицию во времени и пространстве... и может в каждый данный момент раздвигать границы внутреннего пространства, делая его все более и более емким. Наш родной язык... — это речевое сознание родины... Каждый из нас достоин уважения в качестве гигантской трансляционной сети, через которую передаются все выражения общей воли. Говорить — значит верить в единодушие... говорить — значит, участвуя в движении общества, вносить в это движение нечто свое. Те, кто уклоняются от выполнения этой грандиозной задачи... либо предают себя в других, либо становятся лицемерами, пользующимися чужим языком» («Речь и действительность»).

Глава 3

КРАТКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ РИТОРИКИ

В результате изучения данной главы обучающийся должен:

- **знать** основные этапы развития риторики, имена и основные характеристики деятельности выдающихся ораторов прошлого;
  - **уметь** соотносить основные направления современной риторики с риторической традицией;
  - **владеть** навыками использования наследия классической риторики в публичной речи.
-

3.1. Античная риторика как основа ораторского искусства

Люди издавна задумывались о магии слова, о силе речевого воздействия, что нашло отражение в традициях, верованиях, фольклоре народов мира. Если же говорить о европейской риторике, то она, по мнению исследователей, зародилась в Греции в V в. до н.э. «Беспокойный V век до н.э. выдвинул свободного человека как сгусток энергии и самостоятельности, какие только возможны в рамках рабовладельческого общества, и тем самым стал на путь антропоцентризма, прогрессирующего с каждым десятилетием. Отсюда та невероятная страсть к слову и преклонение перед его силой, которой отличались греки. Ведь всякий грек издревле славился как заядлый разговорщик, а гомеровские поэмы и до сих пор удивляют обилием и умелым построением речей. Греки, можно сказать, абсолютизируют слово, делая его владыкой всего сущего, а среди богов почитают Пейто — богиню убеждения», — писал А. Ф. Лосев.

Зарождение ораторского искусства связано с расцветом греческой демократии, которая предполагала активное участие граждан в делах государства, а следовательно, их активное речевое взаимодействие с властью и друг с другом. В истории сохранились имена первых легендарных

риторов (учителей красноречия) Коракса (или Корака) и Тизия. В Древней Греции было много выдающихся ораторов, самый прославленный из них — Демосфен (IV в. до н.э.).

Первыми профессиональными преподавателями красноречия в Древней Греции были *софисты*. *Софистика* (от греч. *sophos* — мудрый) — философское течение в Древней Греции V–IV вв. до н.э. Софисты учили оказывать речевое воздействие, побеждать в споре, руководствуясь принципом «цель оправдывает средства». Они разработали систему неправомерных уловок, называемых *софизмами* — намеренными ошибками в доказательствах. Приведем пример одного из них: «Вор не желает приобрести ничего дурного. Приобретение хорошего есть дело хорошее. Следовательно, вор желает хорошего». Софисты изменяли основной тезис речи, расширяли или сужали его, переводя спор на позицию выгоды/невыгоды, подменяли понятия (подробнее см. в параграфе, посвященном демагогии и манипуляции). Именно поэтому в современной речи слово «софистика» употребляется и в более узком, негативном значении: рассуждение, основанное на преднамеренном нарушении законов логики.

«Афиняне удивлялись, восхищались, негодовали, слушая софистов, — пишет в книге «Занимательная Греция» известный ученый М. Л. Гаспаров. — И только один человек, оборванный и босой, был спокоен и добродушен. Он улыбался и говорил: “Не пугайтесь, граждане. Пусть Горгий сколько угодно доказывает, что нет никакой разницы, почитать стариков или поедать стариков, но предложите-ка ему самому убить и съесть старика, и он так же откажется, как и вы. А вот интересно — почему?” Это был Сократ, знаменитый афинский мудрец и чудак. Вид у него был смешной: лысый череп, крутой лоб, курносый нос, толстые губы. Жил он бедно, ходил в грубом плаще, ел что попало. Объяснял: “Я ем, чтобы жить, а остальные живут, чтобы есть”. Любимым его изречением была надпись на дельфийском храме: “Познай себя самого”. Иногда он замолкал среди разговора, переставал двигаться, ничего не видел и не слышал — погружался в себя». Сохранилась выразительная зарисовка: как-то раз Сократ довольно долго глядел на красивого юношу, хранившего молчание, и наконец попросил его: «Теперь, чтобы я мог тебя увидеть, скажи что-нибудь». В отличие от софистов, Сократ не считал поиск истины

игрой. Вступая в политический или философский диспут, беседа на разнообразные темы, он вовлекал собеседников в совместное постижение истины. Его ораторское мастерство называли *майевтикой* — искусством рождения истины.

Эпоха Сократа (V–IV вв. до н.э.) была сложнейшим временем политической борьбы, войны между Спартой и Афинами, сменой тоталитарных и демократических форм власти. Сократ заплатил жизнью за любовь к истине, его диалоги, нередко ироничные или шуточные, учили людей самостоятельно думать и действовать. Выдающийся философ нашего времени М. К. Мамардашвили, размышляя над тем, почему погиб Сократ, писал: «...Необходимо было бы где-то помолчать, что-то не сказать или же согласиться на изгнание. Ведь греки готовы были дать своему философу убежать, они вообще-то не очень серьезно собирались его убивать: приговор был скорее ритуальным жестом; предполагалось, что Сократ просто скроется из Афин и будет жить в изгнании. Сократ же почувствовал свою ответственность перед чем-то, что полностью освобождало его от участия в человеческих делах. Он считал, что малейшая неправдивость разрушает ту правду, ради которой он жил».

Известно, что Сократ признавал только устную форму речи, живое непосредственное речевое общение, поэтому он не оставил после себя ни одного написанного текста, но остался в веках благодаря своим беседам с учениками. Не случайно лекции по сравнительно-исторической риторике А. К. Михальская назвала «Русский Сократ».

Образ Сократа сохранился в диалогах его ученика, великого философа Платона (V–IV вв. до н.э.). Овладеть искусством красноречия, по мнению Платона, может только тот, кто учитывает «природные свойства будущих слушателей». Именно Платон донес до потомков не только философские идеи Сократа, но и то, каким образом в общении постигается истина. Религиозный мыслитель и священник Александр Мень писал: «В своем письменном наследии Платон говорил через Сократа. Он писал пьесы, философские диалоги, в которых участвовал Сократ и его ученики, бывшие сотоварищи, а порой и друзья самого Платона. И эти острые диалоги вводят нас в удивительную атмосферу. Представьте: вечер, трещат цикады, кругом кипарисы, и сидят эти смуглые молодые люди с горящими глазами у ног Сократа. Они беседуют. О чем? О том, как проникнуть в тайну».

Выдающийся ученик Платона — Аристотель (IV в. до н.э.). «Это был не мечтатель, не поэт, это был гигантский ум, — писал о нем А. Мень. — Возьмите любой учебник по любой науке. Предисловие всегда начинается так: “Еще Аристотель говорил то-то и то-то”. Что ни возьмешь — зоологию, математику, астрономию, физиологию, психологию, искусство, законы театра, эстетику...». Аристотель полагал, что «риторика — это счастье», потому что она помогает человеку обрести радость в общении, в самораскрытии личности. В Античности красноречие предполагало нравственный выбор, определяющий образ жизни и судьбу человека.

Аристотель, воспитатель Александра Македонского, которому, по словам философа О. Розенштока-Хюсси, «посчастливилось слушать убеждающую, вдохновенную и вдохновляющую речь», создал знаменитую «Риторику», обобщившую представления о психологических типах оратора, о взаимодействии оратора и аудитории, о приемах доказательства. Этот труд оказал несомненное влияние на все дальнейшее развитие риторики и переиздается по сей день.

И сегодня современно представление Аристотеля о том, что «речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается», а также о том, что «для каждого рода речи пригоден особый стиль, ибо не один и тот же стиль в речи письменной и в речи полемической, в речи, произносимой перед народным собранием и в речи судебной... Стиль речи письменной — самый точный, а речи полемической — самый актерский». Чтобы убеждать, оратор должен быть неравнодушным и естественным и при этом должен уметь скрывать свое искусство, действовать непрямолнейно: «...естественное способно убеждать, а искусственное — напротив. Люди недоверчиво относятся к такому оратору, как будто он замышляет что-нибудь против них, точно так же, как к подмешанным винам... Хорошо скрывает свое искусство тот, кто составляет свою речь из выражений, взятых из обыденной речи».

С именем Аристотеля связана разработка понятий «пафос» и «этос». *Пафос* (от греч. страдание, страсть, возбуждение, воодушевление) — риторическая категория, соответствующая эмоционально возвышенной манере выражения чувств. Используя пафос (героический, трагический, романтический, сентиментальный и сатирический), оратор

вызывал у слушающих требуемые чувства, не полностью раскрывая собственные.

Этос (от греч. «обычай, нрав, характер») — термин античной философии и риторики, от которого образовалось понятие «этика», обозначающий совокупность устойчивых черт характера. Этос воплощал личность оратора в стиле его речи, в ее целеустановке. Он соответствовал спокойному нравственному характеру, разумному стилю поведения оратора, тогда как *пафос* (или патос) определял поведение беспокойное, аффективное.

Проиллюстрировать представление о древнегреческом пафосе можно примером из знаменитой первой речи Демосфена «Против Стефана о лжесвидетельстве», написанной великим оратором для самозащиты Аполлодора от свидетельствовавшего против него родственника Стефана.

Поистине, о Земля и боги, ужасно, даже более чем ужасно, что Формион презирает теперь нас, сделавших его эллином из варвара и уважаемым человеком из продажного раба. Презирает тех, которые помогли ему достигнуть всего этого, стольких благ, и которые сами, в то время как он владеет большим состоянием, живут в крайней нужде. Он дошел до такого бесстыдства, что не находит нужным уделить нам даже частицу тех благ, которые он получил от нас же.

В этой же речи Демосфена можно найти и яркий пример древнегреческого этоса, призванного выразить нравственное отношение говорящего к аудитории.

Я отворачиваюсь от него и прибегаю к вам, граждане судьи, которых отец передал мне как помощников и друзей. Я прошу, умоляю и заклинаю вас не допустить, чтобы я и мои дочери из-за своей бедности стали посмешищем для моих рабов и прихлебателей этого человека. Мой отец дал вам тысячу щитов и явил себя полезным во многом другом: он добровольно снабдил вас пятью триерами и, снарядив их за свой счет, отправлял триерархии. Я напоминаю вам об этом не потому, что напрашиваюсь на благодарность: ведь я понимаю, что мы остаемся вам обязанными. Я говорю это для того, чтобы со мной как-нибудь не поступили бы так, что это окажется недостойно заслуг моего отца. Ведь это и на вас тоже бросит тень.

Древние греки и римляне понимали риторику как науку, способную не только помочь в словесном поединке, но, прежде всего, отстоять свою жизнь и честь. Так было с Сократом, Демосфеном, с выдающимся судебным и поли-

тическим оратором Древнего Рима Марком Туллием Цицероном (II–I вв. до н.э.). «Речи» Цицерона до сих пор изучаются на юридических факультетах как образец судебной риторики. Когда-то Цицерону довелось защищать молодого человека, обвиняемого в совершении неблаговидного поступка. Самым убедительным аргументом оказался следующий: этот юноша — оратор, поэтому его ум и сердце не настроены на зло, у него нет ни времени, ни сил на дурные поступки.

Цицерон был также замечательным теоретиком: он оставил несколько трактатов об ораторском искусстве, которые и сегодня поражают своей современностью. Цицерон полагал, что «...ни по маловажному поводу, ни перед такими слушателями, которых не проймет никакая речь, не следует применять пламенного красноречия, чтобы не вызвать либо смеха, либо отвращения к себе...». Он настаивал на том, что «...сладостная, вольная и плавная речь, богатая затейливыми мыслями и звучными словами... годится только для забав и для парадов...».

Дальнейшее развитие римская риторика получила в трудах Квинтилиана (I в. н.э.).

Европейская риторика прошла сложный и интересный путь развития в Средние века и в эпоху Возрождения (об этом можно прочитать в трудах известных ученых, например С. С. Аверинцева). Традиция изучения и преподавания риторики в Европе никогда не прерывалась, но со временем изменялся ее предмет и сами границы риторической науки.

В IV и V вв. достигла расцвета наука о христианском ораторском искусстве. Средневековая риторика основывалась на трудах Аристотеля и Цицерона, однако в ней ужесточились правила ведения речи, сочинения писем и проповедей. В средневековых университетах риторика постепенно становилась схоластической дисциплиной: ее знание использовалось в псевдонаучных диспутах, например о количестве чертей, способных поместиться на кончике иглы. Авторы риторических сочинений сосредоточивали свое внимание преимущественно на средствах и приемах украшения речи.

Воздействие риторики распространялось не только на средневековую литературу, но и на народную поэзию. В дальнейшем, в XIX в., из риторики выделились поэтика, теория литературы и стилистика.

В наши дни риторика (или ее отдельные аспекты: практика сочинения, аргументация) остается предметом школьного и университетского преподавания в Европе и Америке. Ежегодно проводятся многочисленные международные конференции, посвященные проблемам ее изучения.

Эволюция риторики в истории культуры имеет национальные особенности и связана не только с развитием научных дисциплин, но и с политическими изменениями в жизни общества.

3.2. Традиции отечественной риторики

Традиции отечественного ораторского искусства и риторики также богаты. В Древнюю Русь классическая риторика пришла опосредованно, из Византии, вместе с христианской культурой. Следы ее влияния обнаруживаются в произведениях древнерусских ораторов — митрополита Илариона и епископа Кирилла Туровского. Античные риторические сочинения хранились в библиотеке Ивана Грозного, который сам был не чужд красноречия, о чем можно судить, например, по его переписке с князем Андреем Курбским.

Систематическое преподавание риторики (на латинском языке) начинается в России с XVII в. В допетровское время развивалось прежде всего духовное красноречие. Реформы Петра I активизировали политическое и военное красноречие.

«Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова — первая общедоступная отечественная риторика, настольная книга многих образованных русских людей второй половины XVIII в.

Над своей риторикой Ломоносов работал несколько лет (1743–1748 гг.). После представления в Академию наук первого (сжатого) варианта текста ему было рекомендовано перевести руководство на латинский язык, привести больше современных примеров. Однако Ломоносов сознательно отказался и от латинского перевода, и от узко понятой современности, которая, как правило, очень быстро устаревает. Он дополнил книгу переводами фрагментов трудов и речей выдающихся ораторов прошлого, преимущественно античных (Демосфена, Цицерона и др.), а также примерами из своих сочинений. Современники восприни-

мали его риторику не только как учебник, но и как превосходящую хрестоматию.

Ломоносова всегда привлекали не только теоретические трактаты, которые он усердно штудировал, но и практические занятия риторикой. Он писал позднее: «От беспрестанного упражнении возрастало красноречие древних великих авторов, которых от того ни старость, ни великая честь и достоинство отвратить не могли». Закономерно, что его собственная риторика содержит много разнообразных примеров, стихотворных и прозаических.

«Краткое руководство к красноречию» нельзя понять, вырывая его из исторического контекста риторической (по определению Ю. М. Лотмана) эпохи XVIII в., когда была сильна вера в слово, а сама риторика была «царицей наук», в терминах которой велись дискуссии о музыке, живописи, психологии, филологии. Однако, несмотря на то что сочинение Ломоносова было создано более двух с половиной веков назад, несправедливо видеть в нем только исторический памятник.

«Краткое руководство к красноречию» сохранило обаяние творческой личности автора, ее энергетику, «природную остроту», передавало несомненную любовь Ломоносова к риторике, его способность говорить «словом чистым, мягким, витиеватым и наподобие весны цветущим». Оно несет отпечаток его внешнего облика и темперамента: «Телесные дарования, громкий и приятный голос, долгий дух и крепкая грудь в красноречии, а особливо в произношении слова упражняющимся очень надобны; также дородство и осанковатый вид приличны, ежели слово пред народом говорить должно».

Труд Ломоносова уникален еще и тем, что в нем воплощен риторический идеал автора — не как нечто недостижимое, а как то, к чему должно и можно стремиться. Это идеал убеждающей речи, о чем свидетельствует и манера изложения автора. Цель оратора — «преклонять к своему мнению», потому что «мало есть таких людей, которые могут поступать по рассуждению, преодолев свои склонности». Для Ломоносова важно в риторике единство слова и дела.

Никакого погрешения больше нет в красноречии, как непристойное и детское, пустым шумом, а не делом наполненное многословие, например:

Ни единой беды нет, о которой бы рассуждал премудрый, чтобы оной убежать для пользы отечества. Кто рассуждает

здорово, тот не будет думать, чтобы от какого-нибудь злоключения умаляться надлежало для благосостояния общества, но всегда в таком мнении останется, что за отечество в самую крайнюю напасть тщательно вступить должно.

Таковые распространения искусному слуху весьма скучны и несносны и разве тем только показаться могут, которые любят, чтобы им об одном десятью сказывали.

«Краткое руководство к красноречию» — общая риторика, в которой нет частной адресованности (пожилым, молодым, военным, горным инженерам и т.д.), но, тем не менее, выбор адресата присутствует: она обращена ко всем «любящим словесные науки».

В риторическом сочинении Ломоносова есть место для анализа скрытого речевого воздействия, но нет места для демагогии. Убеждая, автор стремится «увеличить силу совоображения» адресата, «которая в красноречии много может».

Предложенная Ломоносовым методика порождения речи работает и сегодня. В учебнике А. К. Михальской «Основы риторики» используется хрия Ломоносова (схема речевого развертывания) для создания речи или письменного текста на тему «Неусыпный труд препятствия (препятствия. — *Примеч. авт.*) преодолевает». Ломоносов писал: «Материя, сочинителю слова данная, обыкновенно бывает сложенная идея, которая называется тема. Простые идеи, из которых она составляется, называются терминами. Например, сия тема имеет в себе четыре термина: неусыпность, труд, препятствия и преодоление». Ломоносов «учил собирать слова» для развернутого, интересного рассуждения на предложенную тему.

Современно также включение в «Краткое руководство к красноречию» диалогической проблематики (подробнее см. гл. 10). В части, посвященной «расположению по разговору», рассматриваются диалог и полилог, разнообразные виды «разговоров»: «Сверх того разговоры суть согласные, прекословные и сомнительные. Согласные разговоры состоят из согласных мнений между собою рассуждающих лиц, так что один мнение другого новыми доводами подтверждает; в прекословных разговорах предлагаются два спорные между собою мнения, которые двое каждый свое защищают. Сомнительные состоят из такой материи, которую одно лице вовсе защищает, другое в некоторых обстоятельствах согласуется, а в иных спорит или сомневается».

Риторическая теория М. В. Ломоносова не потеряла своего научного значения и сегодня. В конце XVIII — начале XIX вв. в России уже существовало множество разнообразных, живо написанных риторик: для детей, «в пользу молодых девиц», для горных инженеров (риторики М. Сперанского, Н. Кошанского, А. Мерзлякова, К. Зеленецкого, Ф. Малиновского, И. Рижского и др.).

Риторикой преподавали дома, в гимназиях, реальных училищах, университетах. Например, профессора Н. Ф. Кошанский и А. И. Галич учили Пушкина, Дельвига, Горчакова, Кюхельбекера и других лицеистов находить и изобретать речь. Профессор Галич учил лицеистов следующим правилам изобретения: «Разлагайте главное предложение на все подчиненные понятия; потом замечайте, какие пояснения и доказательства нужны для убеждения в истине; смотрите, какие возражения могут быть сделаны против главного... доказательства и как оныя опровергнуть...»

Этот перечень профессор заключал мудрым советом: «Во всяком же случае, при изобретениях, держитесь правила, коего польза признана художниками, а именно: не будьте слишком мнительны и не принуждайте себя...» Он же составил требования к систематическому разбору и рецензиям. Лицеисты должны были знать и уметь использовать и «Правила сочинения писем»: «Особенные свойства писем — легкость и естественность: ибо... здесь-то более, чем где-либо, мы хотим видеть человека, а не сочинение... Письмо не должно быть и слишком округлено, а только опрятно и правильно, — не более. Итак, письмо вообще должно избегать... всякого искусственного расположения или плана, разве сей план еще искуснее будет скрыт».

Изменение отношения к риторике в середине XIX в. объясняется целым комплексом причин, прежде всего ее политизированностью. В России она была дискредитирована как предмет, поддерживающий институт власти. У слова «риторика» сформировалось значение «внешне красивая, напыщенная речь», тогда же возобладала ее критика как теоретической и учебной дисциплины. К этому времени она уже не могла играть роль «царицы наук», обобщающей гуманитарной дисциплины. От нее отпочковались поэтика, стилистика, другие науки, само же преподавание риторики становилось все более догматичным. Известным ниспро-

вергателем риторики являлся критик В. Г. Белинский, который писал следующее.

Не только риторики, даже теории красноречия (как науки красноречия) не может быть. Красноречие есть искусство, — не целое и полное, как поэзия: в красноречии есть цель, всегда практическая, всегда определяемая временем и обстоятельствами... Не пишите риторики, а переберите речи известных ораторов всех народов и всех веков, снабдите их подробной биографией каждого оратора, необходимыми историческими комментариями, — и вы окажете этой книгой великую услугу и ораторам и неораторам.

Впрочем, его стиль сам испытал влияние риторики, как и стили писателей-классиков, где бы они ее ни изучали: в лицее, дома, в гимназии или в университете.

Несмотря на дискредитацию риторики как научной и учебной дисциплины (в середине XIX в. она постепенно исчезает из программ учебных заведений), в эпоху реформ Александра II особого расцвета достигает не только политическое, но и академическое красноречие, которое демонстрировали выдающиеся университетские профессора (Д. И. Менделеев, В. О. Ключевский, Т. Н. Грановский и др.).

Введение суда присяжных в России, сделавшее значимыми прения сторон (обвинителя и защитника), призвало в судопроизводство выдающихся ораторов: С. А. Андреевского, П. А. Александрова, Ф. Н. Плевако, В. И. Жуковского, А. Ф. Кони, В. Д. Спасовича и др. Опыт русского судебного красноречия второй половины XIX в. был обобщен П. С. Пороховщиковым в книге «Искусство речи на суде», популярной и сегодня.

В 1893 г. возвращение ораторского искусства в учебный план Московского университета приветствовал такой, казалось бы, далекий от риторики писатель, как А. П. Чехов. В очерке «Хорошая новость» он писал следующее.

Мы люди бесстрастные, скучные, в наших жилах давно уже запеклась кровь от скуки. Мы не гоняемся за наслаждениями и не ищем их, и нас поэтому нисколько не тревожит, что мы, равнодушные к ораторскому искусству, лишаем себя одного из высших и благороднейших наслаждений, доступных человеку. Но если не хочется наслаждаться, то по крайней мере не мешало бы вспомнить, что во все времена богатство языка и ораторское искусство шли рядом.

Не только А. П. Чехов, но и Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, В. Г. Короленко интересовались ораторским искусством, посещали открытые процессы, на которых выступали знаменитые судебные ораторы, и откликались в прессе на их выступления.

3.3. Отечественная риторика советского периода

Для того чтобы лучше понять место риторики как науки и искусства в современной жизни, необходимо подробнее остановиться на истории риторики в советский период существования нашего государства, поскольку 70 лет советской власти наложили существенный отпечаток на различные формы публичного речевого общения. В связи с коренными изменениями социальных отношений, ломкой культурных и исторических традиций в XX в. изменилось и само представление о красноречии.

В советский период риторика как наука пережила короткий ренессанс (1920-е гг.), после которого долгое время фактически оставалась под запретом.

Приход к власти большевиков в октябре 1917 г. в определенной степени может быть объяснен и их «риторической победой» над другими партиями предреволюционной России. Как отмечает специалист в области политической риторики Г. Г. Хазагеров, на начальном этапе развития партии большевиков были выработаны две основные формы применения риторики: *пропаганда* (распространение марксистских идей в узком кругу соратников и потенциальных политических сторонников) и *агитация* (работа с широкими народными массами). Из-за идеологических расхождений среди самих революционеров и наличия в их среде нескольких политических групп постоянно требовалось применение риторических умений.

Ведущим политическим оратором предреволюционного и революционного времени был, несомненно, В. И. Ульянов (Ленин), чья политическая и активная публицистическая деятельность предопределила ход развития будущей советской риторики и выявила два магистральных пути нового типа красноречия: отход от церковной (*гомилетической*) традиции и ориентация на судебное красноречие царской России. Считается, что наиболее существенное влияние на риторику Ленина оказал теоретик судебного красноречия П. С. Пороховщиков.

Важными чертами ленинской риторики были гибкость и контрастность. Например, один из любимых риторических приемов Ленина — использование *диафоры* (фигуры речи, создаваемой повторением слова в измененном, обычно экспрессивном значении), запомнившейся многим советским людям по фразе «Есть компромиссы и компромиссы».

Риторическая манера Ленина серьезно отличалась от предыдущей традиции политических выступлений. По замечанию историка С. В. Ярова, «Ленин не соответствовал классическому типу ораторов, для которых нормой были искусственный подбор красноречивых и афористичных сентенций, эффектные отступления, строгая логичность и последовательность изложения, расчетливо продуманная аффектация и тщательно выстроенная соразмерность каркасов речи. Перед нами... — эмоциональные, торопливые и сбивчивые выступления, акцент на одной и той же идее, варьируемой вновь и вновь, хотя и на разные лады. Во многих его речах нет ни монументальности, ни системности, ни связности. В них заметно другое — эмоциональное “проговаривание” мысли, особенно увлекшей его в данную минуту, еще и еще раз до тех пор, пока охватившее его напряжение не ослабевает. Это можно скорее назвать своеобразной терапевтической практикой, посредством которой проходит высвобождение неприязни к идеям, людям и событиям, вызывающим все нарастающее раздражение».

Красноречие Ленина было чрезвычайно энергичным, экспрессивным и агрессивным. Для его стиля характерны антитезы, градации и резкая, отрицательно окрашенная лексика («политические проститутки», «сволочи» и т.д.). Вспоминая ораторские выступления Ленина, один из его соратников отмечал эмоциональную силу и агитационный пафос речей «вождя пролетариата»: «Вся речь его — как призыв: ничего лишнего...» (А. А. Андреев).

В советский период многие современники и мемуаристы описывали Ленина в разных ситуациях общения, создавая тем самым мифологизированный образец для речевого подражания, который активно поддерживался многочисленными живописными и кинематографическими полотнами: Ленин на трибуне, Ленин беседует с товарищами по партии, Ленин ведет совещание, спорит и полемизирует, Ленин общается с представителями крестьян, рабочего класса, с солдатами и матросами, Ленин приезжает на елку к детям и т.д. Безусловно, подобное многократное и разнообразное

тиражирование коммуникативных ситуаций с участием вождя преследовало и формирование определенного идеала риторического поведения.

Интересной особенностью стиля Ленина, также во многом предопределившей развитие не только риторики, но и советской публицистики, стали специфические, избыточные риторическими фигурами, вопросами и аллюзиями названия его работ: «Что делать?», «Шаг вперед — два шага назад», «Что такое советская власть?», «Кто такие “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?», «Детская болезнь “левизны” в коммунизме» и т.д. Нетрудно заметить, что эти названия напоминают современные газетные и журнальные заголовки.

Еще одна особенность стиля Ленина, обусловленная агитационным и пропагандистским качеством речей, заключается в многочисленных повторах: очень часто в его выступлениях обнаруживается не варьирование мысли, которое традиционно используется для усиления тезиса или выявления какого-либо смыслового нюанса, а употребление одних и тех же слов, идиом, словосочетаний, ничего не прибавляющих к уже сказанному. Подобного рода «бесполезные» повторы, безусловно, слабое место любого ратора, но в живой агитационной речи они могут стать весомым оружием воздействия.

В 1920-е гг. у советской власти возникает кратковременный интерес к проблемам риторики как науки, однако в достаточно узком аспекте: красноречие рассматривается как составляющая всеобщего образования народных масс, как одна из форм ликбеза (компании по ликвидации безграмотности широких народных масс), прежде всего как научение необходимым навыкам письменной и отчасти устной речи. Однако в связи с особым значением устной агитации, которая активно велась в виде ораторских выступлений и дискуссий на местах, в первое десятилетие советской власти пишутся книги и об ораторском искусстве, умении говорить с трибуны и убеждать массы.

В 1918 г. в Петрограде открывается Институт живого слова — высшее научное и учебное заведение, ставившее своей целью научно-практическую разработку вопросов, относящихся к области речи и связанных с нею дисциплин, а также подготовку мастеров «живого слова» в педагогической, общественно-политической и художественной областях. Институт просуществовал до 1924 г., затем был

расформирован, а некоторые его отделения были преобразованы в другие научно-исследовательские институты. В нем работали выдающиеся деятели революционной эпохи, ученые и юристы, театральные режиссеры и литературные критики (С. М. Бонди, А. Ф. Кони, А. В. Луначарский, В. Э. Мейерхольд, Л. В. Щерба, Б. М. Эйхенбаум, Н. А. Энгельгардт, Л. П. Якубинский и др.). В институте читались лекции по теории и практике речи, велись записи на фонографе, проводился анализ авторского чтения поэзии. Преподаватели разрабатывали специальные программы курсов лекций по теории эстетики и этике общения, по теории красноречия, теории спора, психологии речи и мышления и др.

На открытии Института живого слова нарком просвещения А. В. Луначарский отметил:

Все формы политического творчества идут через речь. Россия заговорила, и заголосила даже, и нам необходимо, чтобы этот разговор приобрел как можно скорее четкость, чтобы возможно было больше таких людей, которые говорили бы то, что они думают, которые умели бы влиять на своего ближнего и которые умели бы парализовать вред влияния. Если это влияние демагогическое, если это злые чары, благодаря которым тот или иной ритор побивает словом.... Надо учить говорить весь народ от мала до велика.

В этом программном для деятельности сотрудников института выступлении обнаруживается основное направление взаимодействия рождающегося советского государства и красноречия: риторика нужна исключительно в связи с решением утилитарных политических задач.

Новое время расставляет новые акценты. Вот как, например, описаны задачи советской педагогической риторики в многократно переиздававшейся книге А. В. Миртова «Умение говорить публично» (1923): «В новых условиях нашей жизни всякому, не ушедшему целиком в свою скорлупу, приходится время от времени быть и оратором. Под оратором мы разумеем не только лиц, произносящих речи в больших собраниях, на митингах и т. д., но всякого, кому приходится обращаться со словом, хотя бы к самой небольшой группе собравшихся. Убедить, разъяснить что-либо, успокоить, ободрить, призвать — вот обязанности, постоянно налагаемые на нас жизнью». Для раннего послереволюционного времени еще характерна вера в могущество

публично сказанного слова: «Живое слово — могучее орудие в умелых руках. Никакая книга, брошюра, листовка, плакат, воззвание никогда не заменят живого слова!» В дальнейшем проблемы риторики получили оригинальное развитие в трудах выдающихся филологов XX в.: В. В. Виноградова, Б. В. Томашевского, В. Я. Проппа, Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума.

Однако уже в конце 1920-х — начале 1930-х гг. интерес к речевой культуре и, в частности, к устному монологу, слабеет и сходит на нет. В тоталитарном обществе не нужен истинный оратор, не нужен и думающий слушатель-собеседник, которого надо убеждать. Насаждавшееся единомыслие не предполагало убеждения, а отстаивание своей точки зрения часто рассматривалось как проявление враждебности к существующему государственному строю. Риторика лжи, или риторика кулака, использовала другие формы воздействия — внушение и принуждение. Живое слово в публичной речи заменялось чтением заранее отредактированных и утвержденных текстов. Разумеется, основы ораторского искусства преподавали в высших партийных школах и на юридических факультетах, но на практике риторика как искусство слова была заменена партийной агитацией и пропагандой.

Коренные социальные изменения, коллективизация и индустриализация, создание ГУЛАГа и массовые репрессии, преследование свободы мысли и искоренение свободы высказывания, процессы над идеологическими противниками и уничтожение интеллектуального цвета нации привели к формированию новой, воцарившейся на несколько десятилетий советской риторики, наиболее характерным воплощением которой становится красноречие Сталина.

Риторика Сталина формируется на сломе двух риторических традиций: судебно-политического и торжественного (церковного по своему происхождению) красноречия. Несмотря на кажущуюся идеологическую преемственность, риторическое поведение Сталина во многом отличалось от красноречия Ленина. Так, по утверждению Г. Г. Хазагеров, если Ленин использовал логику «как таран, оснащая ее грубыми выпадами», то Сталин пользовался логикой «как методичной осадой, подкрепляя ее всевозможными трюизмами и нагнетая повторы». Риторика Сталина была тяжеловесной, основательной, что и производило соответствующий прагматический эффект.

Один из наиболее распространенных приемов Сталина как оратора — повтор одних и тех же слов, словосочетаний, синтаксических конструкций. Однако, в отличие от эмоционально-экспрессивных повторов Ленина, этот прием Сталина имеет другое происхождение: в юности он несколько лет учился в семинарии и усвоил некоторые риторические тактики. Именно с этим риторическим опытом ученые связывают еще один характерный композиционный прием Сталина — имитировать в выступлениях-рассуждениях форму кратких вопросов и ответов (традиция христианского катехизиса). Для речей «вождя советского народа» характерны многочисленные канцеляризмы, просторечие, в них многократно используется косноязычная бюрократическая речь. «Укрепляя свою диктатуру и избавляясь от соперников, становясь не одним из многих, а единственным, Сталин неизбежно должен был менять и стилистику своих речей. Они приобретали директивный характер, а язык директив не мог быть цветистым, многословным, призывающим к соисканию истины, вопрошающим, плюралистичным и толерантным. Он обязан был быть кратким, четким, ясным, не терпящим двусмысленностей, безапелляционным» (С. В. Яров).

Апофеозом и логическим продолжением риторической деятельности Сталина становится советское судебное красноречие 1930–1940-х гг., ярчайший образец которого — выступления государственного обвинителя, прокурора СССР А. Я. Вышинского. На сфабрикованных политических процессах 1930-х гг. (например, «Дело троцкистско-зиновьевского террористического центра», «Дело анти-советского троцкистского центра», «Дело антисоветского право-троцкистского блока» и др.) обвинительные речи Вышинского отличались особой грубостью и крайней бесчеловечностью по отношению к обвиняемым, были наполнены резкими высказываниями и обсценными словами, оскорбляющими честь и достоинство подсудимых, следствие по делам которых опиралось на сфальсифицированные доказательства и самооговоры обвиняемых, полученные под психологическим и физическим воздействием (пытками). Не случайно имя Вышинского стало едва ли не нарицательным для обозначения беспринципного, бесчеловечного, угождающего власти и попирающего закон юриста.

Советская риторика периода Великой Отечественной войны отличается более узкой идеологической направленностью: главная ее задача — поднятие патриотического духа нации и воодушевление на борьбу с захватчиками. Так, выделяются несколько функций риторики военного времени: три базовые (поднятие авторитета власти, воодушевление на освободительную войну и сплочение нации) и две утилитарные, практические (информирование населения об оперативной обстановке и указание к конкретным действиям на местах).

Условия военного времени и агитационно-пропагандистский характер риторики определили большое количество повторов в содержании и композиции выступлений той эпохи. Это проявляется и в схожести зачинов и концовок, в одинаковой организации подачи информации и композиции текстов, в использовании одних и тех же клише (ср. многократно растиражированную фразу Председателя Совета народных комиссаров СССР В. М. Молотова из его обращения к советскому народу от 22 июня 1941 г.: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами»), в наличии сквозных лейтмотивов, например «все для фронта, все для победы», «уничтожение фашистской гадины», «неминуемая победа над гитлеровскими войсками», «мужество и стойкость советского народа».

В условиях начала войны и тяжелейших потерь, которые нес СССР, а также полностью контролируемого властью информационного пространства страны (отсутствие каких-либо независимых источников информации и возможности узнать правду из иностранной прессы), риторическое манипулирование, а часто прямое искажение фактов оказывали серьезное влияние на формирование представлений о происходящем у советских граждан. Однако существовало и трезвое восприятие подобной военной риторики СССР, представленное прежде всего в таких документах эпохи, как дневники интеллигенции, например знаменитого советского кинорежиссера А. П. Довженко:

12.07.42. Что более всего раздражает меня в нашей войне — это пошлый лакированный тон наших газетных статей. Если бы я был бойцом непосредственно с автоматом, я плевался бы, читая в течение такого длительного времени эту газетную бодренькую панегирическую окрошку или однообразные бездарные серенькие очерки без единого намека на обобщение, на раскрытие силы и красоты героики. Это холодная, наглая бухгалтерия газетных

паршивцев, которым, по сути говоря, в большой мере нет дела до того, что народ страдает, мучится, гибнет. Они не знают народа и не любят его. Некультурные и душевно убогие, бездуховные и бессердечные, они пользуются своим положением журналистов и пишут односторонние сусальные рассказы, как писали до войны о соцстроительстве, обманывая наше правительство, которое, безусловно, не может всего видеть. Я нигде не читал еще ни одной критической статьи ни о беспорядках, ни о дураках, а их хоть пруд пруди, о неумении эвакуировать, о неумении правильно ориентировать народ и т.п. Все наши недостатки, все болячки не разоблачаются, лакируются, и это раздражает наших бойцов и злит их, как бы честно и добросовестно не относились они к войне.

Таким образом, видение роли советского народа в войне, разработанное Сталиным и поддержанное советской риторикой следующих десятилетий, было во многом ложной, упрощенной и опозитизированной интерпретацией правды. Оно не учитывало судьбы многих народов и миллионов людей, перемолотых машиной истории, и в конечном счете служило интересам вождя и тоталитарного государства.

Период хрущевского правления (1953–1964 гг.) стал временем зарождающегося духа демократии и движения «шестидесятников»: появились условия для утверждения разномыслия, советские граждане приучались обсуждать политику и критиковать своих политических лидеров.

Содержательно риторика Н. С. Хрущева базировалась на идеях «пролетарского гуманизма», возвращения к «светлым ленинским идеалам», на определенной либерализации общества (позднее — «социализма с человеческим лицом»). Формально же выступления Хрущева выделялись на фоне советского официоза самобытностью оратора, экспрессивностью и эмоциональностью, резкостью и безапелляционностью оценок: «Его речи экспромтом были яркими и самобытными, — делился впечатлениями его соратник Д. Т. Шепилов. — Он обычно приводил много примеров, пословиц и поговорок. Часто это были всякие вульгаризмы. Например: “Мы еще покажем им кузькину мать”, “Мы не лаптем щи хлебаем”, “Он ноздрями мух давит”. И другие в таком же духе. Иногда он в раздражении допускал прямые непристойности. Но живость, образность, бойкость его речей, по крайней мере, на первых порах нравились массовой аудитории». Хрущев активно пользовался и приемами дешевого популизма. Эталоном радужной и безоснователь-

ной риторики Хрущева может служить знаменитая фраза, произнесенная им на XXII съезде КПСС (1961): «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Фраза тут же вошла в Программу КПСС, принятую на этом съезде.

Деградация публичной речи в советское время особенно явно наблюдалась в эпоху застоя, после прихода к власти Л. И. Брежнева, когда во многих случаях свободное общение с аудиторией заменялось чтением речей и докладов «по бумажке». Недоверие к официальной пропаганде все чаще вело к двоемыслию. Если в официальных выступлениях люди говорили о верности коммунистическим идеям и о безусловной правильности линии партии, то в частной жизни многие придерживались иных взглядов. Советская пропаганда становилась все более навязчивой и вызывала закономерную реакцию — отторжение и скепсис, однако открытая полемика с властью не допускалась, вызывала жесткие карательные меры. Именно в это время возникает феномен «разговоров на кухне» — бесед в кругу близких и знакомых людей, в ходе которых острой критике подвергались все стороны общественной жизни, высказывалось неприятие официальной фальши и лжи. Окончательно утрачивается доверие к словам политической элиты и расцветает жанр политического анекдота.

Параллельно с государственной сложилась и оппозиционная (в первую очередь политическая) риторика. Наиболее яркими представителями диссидентского направления (уже в брежневский период) стали писатель А. И. Солженицын и академик А. Д. Сахаров, воплотившие в своих работах два типа критики советской действительности. Риторика Солженицына (условно славянофильская) основывалась на критике не столько советского строя, сколько эпохи сталинизма с нравственной и религиозно-национальной точек зрения. Риторика Сахарова (условно западническая) критиковала советский строй с точки зрения демократии и общечеловеческих ценностей: именно в его работах разрабатываются идеи интеграции с цивилизованным человечеством, концепты демократии, прав человека, свободы личности.

Возрождение интереса к риторике и красноречию связано с перестройкой. Приход к власти М. С. Горбачева и последующее разрушение советской системы изменили не только политическое и экономическое устройство обще-

ства, но и представление о том, каким должен быть политик открытого демократического типа. Умение общаться, вести диалог, полемизировать, приходиться к согласию справедливо рассматриваются как необходимые качества общественного деятеля любого уровня. Все это определило понимание значимости риторики, которую вновь стали изучать в школах и вузах. Появились многочисленные работы по риторике, стали рекламироваться курсы риторики и делового общения. В то же время интерес к риторике в наши дни успел пережить пик и некоторый спад. В какой-то мере отрицательная реакция на слово «риторика» в современной России оправдана: эйфория от того, что «весь народ заговорил», действительно прошла. Однако непредвзятый подход убеждает в том, что и теория, и практика риторики сегодня по-прежнему необходимы. В общественном сознании прочно утвердилось представление о том, что тип политического лидера можно определить по характеру его речевого поведения. Существенно изменился сам статус риторики: для успешной профессиональной самореализации личности все большее значение приобретает деловая риторика (см. гл. 14). Все более осознается понимание риторики как жизненно необходимой гуманитарной дисциплины. Теоретические основы современной отечественной риторики представлены в трудах Ю. М. Лотмана, С. С. Аверинцева, А. К. Михальской, И. А. Стернина, А. П. Чудинова и других ученых.

Глава 4

РИТОРИЧЕСКИЙ КАНОН

В результате изучения данной главы обучающийся должен:

- **знать** основные этапы порождения речи; основные характеристики риторического канона; основные качества публичной речи;
  - **уметь** применять основные требования риторического канона при построении выступления; раскрывать стратегию речи оратора;
  - **владеть** навыками раскрытия темы в соответствии с риторическим каноном; навыками распознавания неудач в речевом общении и выявления их причин.
-

История риторики знала взлеты и падения, последние, как правило, были связаны с принятием положений античной риторики в качестве догматических истин. Однако многие положения классической риторики не потеряли значимости и сегодня, прежде всего это учение о *риторическом каноне*, систематизирующее представления об этапах порождения речи. Ими являются: *инвенция* (нахождение и изобретение), *диспозиция* (композиция, или расположение), *элокуция* (словесное выражение), *оратория* (запоминание и произнесение). Иначе говоря, речь сначала нужно найти, т.е. разработать ее стратегию, затем изобрести (продумать тактику), расположить и лишь затем заняться ее словесным выражением, запоминанием и произнесением. Конечно, перечисленные этапы не следуют механически один за другим: о словесном выражении нельзя не думать уже при нахождении или изобретении речи. Однако классическая риторика начинала обучение ораторскому искусству не с отработки деталей (с этого начинают как раз неопытные ораторы), а с общего замысла речи, ее нахождения.

Инвенция (нахождение речи) предполагает точное определение цели выступления и разработку ее стратегии в расчете на конкретную аудиторию (см. п. 8.1, 8.2). Заметим, что дать объективную оценку выступлению оратора невозможно без учета характера его аудитории. Например, мы

можем сделать ошибочный вывод о неоригинальности суждений оратора, об избыточности повторов в его речи, если не учтем, что он выступал в неподготовленной аудитории. Оратор прав, если его цель достигнута, речь была понятна слушателям, убедила их.

В любой аудитории для завоевания и удержания ее внимания необходимо приложить силы. Знаменитый судебный оратор XIX в. А. Ф. Кони писал в «Советах лекторам»:

Внимание всех вообще (ребенка, невежды, интеллигента и даже ученого) возбуждается простым интересным (интересующим) и близким к тому, что, наверно, переживал или испытал каждый... Раз внимание возбуждено вступлением, надо хранить его, иначе перестанут слушать, начнется движение и, наконец, появится та «смесь» тягостных признаков равнодушия к словам лектора, которая убивает всякое желание продолжать речь. Удерживать и даже увеличить внимание можно: краткостью, быстрым движением речи, краткими освежающими отступлениями.

Решение задачи эффективного общения с аудиторией связано и с другими этапами порождения речи: изобретением, композицией, словесным выражением, произнесением, что будет рассмотрено в дальнейшем. Здесь же, воспользовавшись советами А. Ф. Кони, можно продемонстрировать зависимость нахождения речи от типа аудитории. Он размышлял о том, как интересно рассказать о М. В. Ломоносове в подготовленной и неподготовленной аудитории. Представим себе неподготовленную аудиторию, например школьников четвертого класса, которые знакомятся с биографией Ломоносова на уроках истории, и сравнительно подготовленную аудиторию — девятиклассников, которые встречаются с Ломоносовым-поэтом на уроках литературы. Разумеется, и четвероклассники, и девятиклассники уже кое-что знают о Ломоносове. Не будет натяжкой предположить, что вряд ли их увлекут традиционные темы «Ломоносов — великий ученый» или «Ломоносов — великий поэт».

Оратор должен представлять себе сильные и слабые стороны аудитории. Четвероклассники непосредственны, ценят событийность, интригующий характер изложения, любят, когда учитель «рисует словом». При этом оратор, в данном случае учитель, не может позволить себе рассказ только о каких-то забавных фактах. Он должен поставить перед собой цель ввести слушателей в обстановку далекого

XVIII в., расширить словарный запас школьников, заинтересовать их судьбой Ломоносова, убедить их в том, что Ломоносов действительно был великим ученым.

А. Ф. Кони предлагал следующее нахождение речи. Сначала нужно нарисовать ночь бегства Ломоносова из родного дома. Передать его ощущения, страхи по дороге в Москву, живописать трудности его учебы, материальные тяготы и их преодоление. При этом, не называя имени будущего ученого, использовать детективный ход, сказав: «Прошло много лет. Давайте заглянем в одно из окон дворца. Мы увидим высокого дородного человека в камзоле и парике, который демонстрирует сложный химический опыт императрице. Этим человеком был тот самый мальчик, который когда-то пришел в Москву учиться, и звали его — Михайла Васильевич Ломоносов».

Поставленные задачи тем самым будут решены, но такая речевая стратегия не будет иметь успеха в девятом классе. Даже если слушатели настроены очень хорошо по отношению к учителю, найдется хотя бы один из них, кто сразу же назовет имя «этого человека» и привлечет внимание к искусственности речевой заготовки.

Какие же особенности восприятия аудитории девятиклассников нужно заранее предусмотреть, чтобы достичь поставленной перед собою цели? Она должна заключаться в том, чтобы приблизить личность Ломоносова к школьникам XXI в., заинтересовать их ее масштабом и уникальностью. Эта аудитория любит парадоксы, ценит критический образ мыслей, опровергающее штампы развертывание речи, задумывается о смысле жизни, восхищается сильными личностями. Наверное, Ломоносов может заинтересовать старшеклассников тем, что он «сделал себя сам», был удивительно разносторонним человеком. Масштаб его личности должен и может увлечь аудиторию, если говорить о нем не декларативно, а как-то иначе. Каким же способом можно этого добиться?

Возможен такой путь. Можно принести в класс репродукцию известного портрета Ломоносова, на котором он изображен в камзоле, парике, с вдохновенным взором, — и начать спорить с художником. Был ли таким благостным, отрешенным взор ученого, человека страстного, вспыльчивого (даже свое «Краткое руководство к красноречию» Ломоносов написал на гауптвахте, куда был посажен за очередную ссору с немцами в Академии)? Не верится, что

такими холеными были руки естествоиспытателя, химика, художника-мозаичника. Он многое умел делать сам, возможно, его руки были покрыты ссадинами, ожогами. Так ли уж часто можно было встретить его в парадном камзоле?

Этот спор отчасти провокационен, так как художник, конечно, был прав со своей точки зрения, передав момент творческого вдохновения ученого и поэта. Но такое нахождение речи позволит разрушить стереотип восприятия Ломоносова, заставит девятиклассников задуматься, включиться в коллективное обсуждение, даст возможность привлечь многие факты биографии ученого, подчеркнуть в его личности то, что может вызвать интерес и уважение современных школьников.

Для убеждения недостаточно только оригинального, рассчитанного на конкретную аудиторию *замысла речи*. Необходимо ее удачное *изобретение* — тактическая реализация стратегии. Следует продумать систему доводов, т.е. *аргументацию* (см. гл. 5).

Для того чтобы убедить, подчас необходимо изменить последовательность событий, использовать сравнения, которые не являются логическими доводами, возвращаться к одной и той же мысли, что также является нарушением логических законов. Но, настаивая на том, что «доказать не значит убедить», риторика не отрицает необходимости логического самоконтроля оратора.

В качестве иллюстрации положения «доказать не значит убедить» лингвист В. В. Одинцов привел лекцию выдающегося историка В. О. Ключевского «О взгляде художника на обстановку и убор изображаемого им лица», прочитанную более ста лет назад в Училище живописи, ваяния и зодчества. Для убеждения аудитории в том, что «современный человек, свободный и одинокий», украшает прежде всего свой дом, тогда как домом для человека Древней Руси был прежде всего храм, Ключевский использует следующий прием. Он рассказывает о том, как в 1289 г. умирал на Волыни богатый и всесильный князь Владимир, который много жертвовал на украшение храма, а умирал он, лежа на полу, на соломе, в курной избе. Домом для него действительно была церковь. Можно забыть и точную дату, и название места, и само имя князя, но наглядность рассказа, нарушающая строгую логику доказательства, делает идею зримой, запоминающейся.

В учебнике А. К. Михальской «Основы риторики: мысль и слово» возрождается интерес к старинным риторическим сочинениям, в которых был подробно разработан вопрос об *инвенции*. Автор напоминает, что инвенция понималась в них как «ловчая сеть», «сетка понятий», и определяет ее как систему, предлагающую способы мыслить на любую тему.

Инвенция представляет собой набор так называемых *общих мест*. Общие места, или **топы** (*топосы, топики*), — это модели порождения речевого и мыслительного содержания. Они разнообразны: причина, следствие, пример, свидетельства, целое/часть, противное, имя и др.

Продемонстрируем возможности топа «имя», который предполагает обращение оратора к различным словарям (толковым, историческим, этимологическим и др.), позволяющим раскрыть значение, происхождение, образование значимого для построения речи слова или выражения. Такое обращение может дать толчок интересному и убеждающему речевому развертыванию.

Адвокату революционерки-народницы Веры Засулич П. А. Александрову было очень важно убедить присяжных в том, что слово «месть», изначально заряженное отрицательной оценочностью, не подходит для определения мотивов ее поступка (как известно, Засулич стреляла в генерал-губернатора Петербурга Трепова, чтобы привлечь общественное внимание к его приказанию высечь политического арестанта Петропавловской крепости студента Боголюбова). Вот как был использован адвокатом топ «имя»: «Мне кажется, что слово «месть» употреблено в показаниях Засулич... как термин наиболее простой, короткий и несколько подходящий к обозначению побуждения, импульса, руководившего Засулич. Но месть, одна “месть” была бы неверным мерилем для обсуждения внутренней стороны поступка Засулич. Месть обыкновенно руководит личными счетами с отомщаемым за себя или близких. Но никаких личных, исключительно ее, интересов не только не было для Засулич в происшествии с Боголюбовым, но и сам Боголюбов не был ей близким, знакомым человеком».

Риторика учила «выращивать культурное риторическое древо» при помощи разнообразных топов. Уже в XVIII в. его умели выращивать даже школяры, в идеале они могли написать сочинение на любую, самую трудную или скучную тему. Риторическое древо нельзя назвать дикорастущим, за ним надо ухаживать, как ухаживает за настоящим деревом садовник, подстригая, придавая ему определенную форму.

Это значит, что надо отбросить все ненужное, второстепенное, располагая топы в определенной последовательности.

Например, если требуется создать развернутый монолог на тему, заданную афоризмом В. Шекспира «Весь мир — театр...», можно руководствоваться следующей схемой речи (*хрией*).

1. Высказывание об авторе афоризма.
2. Экспозиция (аспекты рассмотрения проблемы).
3. Причины (почему этот афоризм верен?).
4. Следствия (если мы согласны с автором афоризма, то что из этого следует?).
5. Опровержение афоризма (противоположная точка зрения).
6. Расширение сферы использования афоризма (аналогичные ситуации).
7. Примеры из жизни, из различных произведений искусства.
8. Цитаты, которые подтверждают афоризм.
9. Заключение (обобщение, обращение к личному опыту, возвращение к началу сочинения и др.).

В учении о нахождении и изобретении речи содержатся наблюдения об эффективном расположении ее компонентов, которыми, однако, не исчерпывается сущность более сложного понятия «композиция» (или диспозиция). «Всякая речь должна быть составлена, словно живое существо, — у нее должно быть тело с головой и ногами, причем туловище и конечности должны подходить друг другу и соответствовать целому», — говорил Платон.

Существует множество определений термина «композиция». В самом общем виде это построение речи, обусловленное ее содержанием и типом аудитории. Объяснить, что такое композиция, можно при помощи ряда слов с приставкой со-, так как при ее создании учитываются сорасположение, сочетаемость, соразмерность компонентов речи. Все это создает ощущение целостности, законченности и гармоничности.

Представления о композиции речи нельзя сводить к ее трехчастному построению, к наличию в ней вступления, средней части и заключения. Когда говорят только о последовательности компонентов речи, фактически имеют в виду другой термин — архитектоника. В отличие от композиции, архитектоника статична. Динамичность композиции проявляется в ее творческом характере, в том, что оратор во время выступления может варьировать объем частей, то сокращая,

то увеличивая его, а также изменяя расположение частей в зависимости от реакции аудитории. В композиции происходит смена точек зрения и типов речи (в школьной терминологии — описание, повествование и рассуждение).

Лицейский профессор Н. Ф. Кошанский полагал, что «ничто так не важно для сочинения, как расположение... и ничем меньше не занимаются начинающие, как расположением». Почему же композиции придают такое большое значение, называя ее искусством?

Цицерон утверждал: «Если ты возьмешь хорошо сложенное построение тщательного оратора и нарушишь его перестановкой слов — развалится вся фраза». Искусством микрокомпозиции (т.е. композиции целого текста) владели древние, ее приемы использовали во второй половине XIX в. знаменитые русские судебные ораторы. Современный же оратор далеко не всегда задумывается об «атомах» и «молекулах» речи, о значении порядка слов в предложении, о том, как их размещение способно повлиять на аудиторию.

Само слово «композиция» родственно слову «комполитор»: композиция присуща не только красноречию, литературе, но и другим искусствам — музыке, живописи, скульптуре, архитектуре. Композиция требует как умений и навыков, так и таланта, изобретательности. Она придает речи, даже самой краткой, ощущение законченности и целостности, регулирует внимание аудитории и косвенно, неявно выражает авторскую оценку.

М. И. Ромм, выдающийся кинорежиссер и преподаватель (его учениками были В. М. Шукшин и А. А. Тарковский), на простом примере продемонстрировал возможности композиции. Нужно расположить в определенной последовательности четыре кадра (в случае построения риторического текста — предложения): «Собака лает»; «Мальчик смотрит»; «Птичка поет»; «Толстяк ест котлету». Расположение кадров одним образом («Птичка поет»; «Толстяк ест котлету»; «Мальчик смотрит»; «Собака лает») приведет к неопровержимому выводу о том, что толстяк жаден, мальчик голоден, а собака зла, хотя нигде об этом не сказано ни слова. Перемешаем кадры, предлагает М. И. Ромм: «Птичка поет»; «Собака лает»; «Мальчик смотрит»; «Толстяк ест котлету». Перемена мест слагаемых изменит оценку происходящего: толстяк вполне добродушен, мальчик смотрит на птичку, на которую (а совсем не на него) лает собака. Разумеется, это упрощенный, но вместе с тем убедительный пример, раскрывающий возможности композиции.